

СУНЬ ЦЗЫЦИ – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; sqjt123@gmail.com)

ТРАСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ВЛАСТИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ГРАЖДАН КНР В 2016 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации образа власти граждан КНР в 2016 г. вследствие социально-политических изменений под влиянием устойчивых (политический менталитет Китая) и изменчивых (новая политика руководства КНР) факторов. Здесь речь идет об изучении трансформации образа власти и влияния политического менталитета на эту трансформацию. Автор делает вывод, что по мере усиления пропаганды и попыток формирования культа личности руководителя в китайском обществе наблюдается обратный эффект – рост негативных оценок как личности руководителя, так и власти в целом. В статье раскрываются причины и особенности этих изменений.

Ключевые слова: образ власти, политический менталитет, трансформация, Китай

При изучении политики государства в настоящее время необходимо учитывать не только традиционные факторы, такие как политические, экономические, территориальные интересы, но и психологические аспекты массового сознания данной страны, такие как стереотипы, установки, а также политическую культуру. При этом необходимо обратить внимание на восприятие народом образа власти в структуре менталитета и исследовать, как политический менталитет и новая политика китайского руководства влияют на трансформацию образа власти у граждан КНР.

Современные общественные трансформации обусловлены также процессами транснационализации и глобализации мирового пространства [Большаков 2002].

Следует особенно отметить, что число работ по данному аспекту невелико, и проблематика недостаточно рассмотрена. В частности, лишь небольшое число исследований посвящено теме влияния политического менталитета на трансформацию образа власти у китайцев. Фактически Китай давно перестал существовать как «коммунистическая» или «социалистическая» страна, однако в сознании многих иностранцев представление о Китае как коммунистической стране не изменилось. Недостаточно проанализирована связь между существующим в политической культуре образом власти и тем образом, который формируется непосредственно через сообщения, предлагаемые массовому сознанию, а также мировому сообществу через официальные каналы СМИ.

Политический менталитет подобен политической культуре, но не сводится к ней. Наиболее точно содержание политического менталитета в рамках нашего понимания отражает структурная модель, включающая такие компоненты, как ядро (система политических ценностей) и периферия (политические представления, политические образы, политические установки и социально-политические идентичности). Именно менталитет оказывает влияние на ядро и периферию и таким образом влияет на образ власти и его трансформацию. Другими словами, политический образ власти здесь выступает как своеобразный продукт политического менталитета.

Факторы, влияющие на формирование и трансформацию образа власти китайского народа, выглядят следующим образом.

К устойчивым факторам относятся:

а) историко-культурные особенности китайского менталитета (нерелигиозность мышления, культ прошлого и предков, восхваление древних мудрецов и преклонение перед возвеличенными добродетелями правителей и т.д.);

б) национально-культурные особенности китайского менталитета (адаптивно-подражательный, репродуктивно-утилитарный и прагматичный характер народа);

в) социокультурные особенности китайского менталитета (комплексная система трех учений – конфуцианства, буддизма, даосизма, китаецентричность мышления, предпочтение морально-нравственных принципов, приоритет общего над частным, безличностный характер власти, строгая иерархия и подчинение вышестоящим в пространстве традиционного «ритуального социума» и т.д.).

К изменчивым факторам относятся:

а) политическое изменение (новая политика руководства КНР);

б) социально-экономическая и демографическая ситуация;

в) культурно-образовательная трансформация;

г) внешнее влияние (глобализация, распространение западных культур и пр.).

Теоретической основой исследования служат исследования кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, работы Е.Б. Шестопал, Н.М. Ракитянского, Т.В. Евгеньевой, А.В. Селезневой, А.Л. Зверева [Ракитянский 2010; Ракитянский, Бухарин 2012; Евгеньева, Селезнева 2013; Зверев 2008], а также труды школы социальных представлений Сержа Московича и др.

Выборка нашего исследования составила 100 чел. – жители южной части Китая. Всего 100 интервью собрано в Китае в 2016 г. (56 респондентов в возрасте 21–35 лет, 31 респондент в возрасте 36–50 лет, 10 респондентов в возрасте 51–70 лет и 3 респондентов в возрасте старше 70 лет).

Респондентам были предложены следующие задания:

1) ответить за вопросы интервью;

2) на чистом листе бумаги нарисовать «образ власти современного КНР».

Изображения были подвергнуты процедуре кодировки в соответствии со следующими переменными:

– привлекательность/непривлекательность;

– сила/слабость;

– активность/пассивность;

– сложность/простота;

– агрессивность/неагрессивность;

– динамизм/статичность;

– наличие/отсутствие в образе элементов, олицетворяющих конкретные личности;

– конфликтный/гармоничный характер взаимосвязи элементов образа;

– наличие/отсутствие в структуре образа элемента, означающего «народ».

По результатам выполнения задания почти половина респондентов (42%) в возрасте 18–30 лет дали негативную оценку власти, в то же время меньше 1/3 респондентов (24%) данной возрастной группы оценивают власть положительно, остальные затруднились ответить или дали ответ: «не знаю». Старшие поколения продемонстрировали отсутствие особых изменений в сравнении с результатами 2015 г. Однако число респондентов в возрасте 31–50 лет, негативно оценивающих власть, увеличилось почти в 2 раза.

Серьезное изменение заключается в том, что если в 2015 г. негативное отношение к власти высказывала прежде всего именно молодежь, то в 2016 г. отрица-

тельные мнения встречались нередко и у респондентов среднего возраста, среди которых немало партийных чиновников. Более того, если до 2016 г. свое недовольство по отношению к власти молодежь обосновывала больше всего отсутствием демократии, свободы слова, гласности и т.п., то в 2016 г. респонденты старшего поколения показывают негативное отношение к конкретным направлениям внутренней политики власти и личности генсека.

Кроме того, если отношение китайских граждан к верховной власти своей страны еще распределяется достаточно симметрично, то к провинциальной власти они относятся в основном негативно: больше половины респондентов (64%) охарактеризовали региональную власть негативно, еще треть (32%) респондентов затруднились ответить, положительную оценку местной власти дали всего лишь 4% респондентов.

На вопрос: «Существует ли, по вашему мнению, демократия в Китае в настоящее время?» – все респонденты ответили «нет», при этом только 3 респондента считают, что в ближайшие годы можно ожидать изменения политики Китая в сторону большей демократии, остальные считают, что невозможно.

Отвечая на вопрос: «Демократия, по-моему, это...» – подавляющее большинство респондентов выбрало понятие «равенство» (80%), а «свобода» (53%) занимала лишь 2-е место. Здесь стоит отметить, что демократия в сознании китайских граждан прежде всего понимается именно как «равенство», а не «свобода». Это во многом отражает сильное расслоение в китайском обществе между богатыми и бедными, властителями и народом. В последние десятилетия в атмосфере интенсивного социального расслоения общества углубляется негативное отношение бедных граждан к богатым. На этом фоне появляются новые активисты и лидеры антиправительственных групп и движений различного толка. А новая политика китайского руководства по антикоррупционной борьбе и усилению пропаганды официальной идеологии и культа личности руководителя не сгладила ощущение социального неравенства у большинства респондентов. Социальное расслоение остается в настоящее время таким же серьезным конфликтным фактором, и новая политика власти не оказала существенного воздействия на это явление.

Активность политического участия у граждан КНР невысока, у почти половины респондентов (40%) вообще отсутствует желание принимать участие в политике, 27% затруднились ответить, только 17% ответили, что им важно участие «в выборах как избирателя», и 7% выбрали вариант «митинги в поддержку той или иной политической партии или движения». В забастовке не желает участвовать никто из респондентов.

Интерес граждан КНР к политике тоже невысокий: 4% респондентов совсем не интересуются политикой; 50% респондентов имеют о ней общее представление, но детали пропускают; 18% следят мало; еще 18% говорят, что они следят за всеми политическими событиями; лишь 10% респондентов говорят, что реально интересуются политикой.

Размышляя об идеальной власти, почти все респонденты употребляли слова «демократия», «гласность», «разделение властей», «законность» и «уважение к народу». Однако адекватное понимание этих терминов у многих респондентов отсутствует, их трактовали как некое абсолютное и абстрактное понятие, примеры которого трудно найти в реальной жизни. Говоря о равенстве, многие понимали его «когда всем одинаково хорошо» или «все могут выражать свое мнение и защищать свои интересы». А свобода при демократии, по мнению многих молодых респондентов, означает абсолютную личную свободу каждого, богатство и счастье всех, что больше напоминает анархию: «это когда я могу делать все то, что я хочу», «это когда все позволено».

При этом «социализм» считает идеальной организацией только 1 опрошенный. А слово «коммунизм» даже ни разу не встречается. Отсюда очевидно, что коммунизм как идеология уже перестала быть идеалом для подавляющего большинства граждан КНР. Более того, новую государственную идеологию «китайская мечта» упоминал всего лишь 1 респондент, что свидетельствует о том, что, несмотря на ежедневную пропаганду, новая идеология, которую продвигал лично Си Цзиньпин, в сознании подавляющего большинства респондентов не присутствует и не ассоциируется с образом идеальной власти.

Таким образом, можно сказать, что новая политика китайского руководства дала обратный эффект и не оправдала ожиданий граждан. Несмотря на полномасштабную пропаганду культа личности и антикоррупционную борьбу, отношение респондентов к власти так и не улучшилось; молодые и старшие поколения продолжают относиться к власти практически без изменения, а недовольство поколения среднего возраста (31–50 лет) и партийных чиновников только выросло. Более того, формируется более негативное отношение к личности генсека и более серьезная критика его политики, имидж руководителя страны за год резко ухудшился. Проблема социального расслоения в сознании людей остается такой же серьезной, а новую государственную идеологию большинство респондентов так и не восприняли.

В то же время в целом видят власть привлекательной 62% респондентов, обратную оценку дают 38%. Соотношение оценок силы и слабости составляет 49% к 8%, т.е. власть воспринимается как безусловно сильная. Соотношение оценок активности и пассивности составляет 29% к 71%, т.е. власть воспринимается как пассивная. Соотношение простоты и сложности образов власти представляет 40% к 60% — это означает преобладание простых образов. 47% респондентов считают власть агрессивной, неагрессивной видят ее 53% респондентов, т.е. власть для многих является неагрессивной. Власть в динамике рисуют только 38% респондентов, а описывают без динамики — 62%. Конфликтность присутствует в 67% случаев, а гармоничность видят только 19% респондентов, остальные 18% видят власть нейтральной. 75% образов не содержат людей как компонент, в 23% присутствуют абстрактные люди, конкретные политические деятели почти не встречаются.

Стоит отметить, что отсутствие конкретного образа личностей свидетельствует о безличностном характере власти в Китае, как писал Р. Джонстон¹ в своей работе. Он отмечал, что в Китае люди прагматично желали только мира и порядка в обществе. Они не различали форму правления: конституционная ли монархия или республика — китайцы относились к ним безразлично. Кто наведет порядок в 18 провинциях², тот и принимается как государь [Johnston 2008]. Что касается его личности и идеологии, «вся власть от Бога» или республиканский президент — китайцам было все равно.

Образ, означающий «народ», присутствует только в менее 1/3 рисунков. Это показывает, что, несмотря на пропаганду близости власти и руководителя к народу, в сознании людей власть все равно отделена от народа и действует сама по себе, вне влияния рядовых граждан. Причины такого явления частично объясняются особенностью китайского менталитета: основная масса китайцев, как правило, не проявляют политическую активность не столько из чувства страха перед властью, сколько из-за укрепившейся в сознании мысли, что нельзя идти против «верхов», что необходимо соблюдать гармонию и выполнять свои функции на отведенном месте [Омурова 2014: 183].

¹ R.F. Johnston (1874-1938) — учитель английского языка последнего китайского императора Пу-И.

² В то время в Китае было всего 18 провинций.

Образ, означающий новую китайскую государственную идеологию — так называемую китайскую мечту, вообще на рисунках не встречался ни разу, а в 2015 г. он встречался 1 раз — тогда «китайская мечта» изображалась в виде небольшого восходящего воздушного шара. То есть, даже в этом случае «китайская мечта» воспринималась не как серьезная и крепкая идеология, а как небольшой абстрактный контент. Это подтверждает, что власти не удалось сконструировать привлекательный образ новой идеологии в сознании населения ни в 2015, ни в 2016 г.

Феномен усиления цензуры тоже отражается в рисунках — в них Китай изображен как большая тюрьма, власть — как большая стена, блокирующая негативную информацию про Китай, в т.ч. иностранные сайты *Facebook*, *YouTube* и т.п. А китайская интеллигенция изображается как угнетенные люди с цепями на руках и ногах. Здесь мы видим негативное отношение респондентов к политике цензуры и к власти в целом. Власть на рисунках блокировала не только иностранные сайты, но и свободу мысли, новые знания и информацию о внешнем мире.

Следует подчеркнуть еще одно важное различие, заключающееся в том, что образ агрессивности, конфликтности власти в 2016 г. вырос в 2 раза, а образ ее гармоничности снизился в 2 раза. Это свидетельствует о недовольстве респондентов политикой усиления авторитарности, что приводит к постепенному ухудшению представлений о власти в целом.

Таким образом, собирательный образ современной китайской власти на неосознанном уровне у граждан КНР представляется следующим образом: это сильная, простая, но пассивная в сочетании с неагрессивностью власть, которая чаще всего рассматривается как абстрактная структура без конкретных личностей и не контактирует с народом.

Новая официальная идеология — «китайская мечта», — введенная Си Цзиньпином в 2012 г., также не слишком часто упоминается среди ответов респондентов: всего у 2 чел. (2%) Китай ассоциировался с «китайской мечтой», а на рисунках, в отличие от 2015 г., когда образ «китайской мечты» появился 1 раз, в 2016 г. он не встречался ни разу. Более того, в сети Интернет начинают появляться шутки и анекдоты, которые иронически критикуют эту идеологию.

Образ коррумпированности власти отразился во многих рисунках: чиновники раньше воровали, и сейчас тоже воруют. Это показывает, что рекламируемая в СМИ антикоррупционная борьба так и не изменила представлений респондентов о коррумпированности власти.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают рост недоверия респондентов к власти, неуверенность в демократических реформах и отсутствие четкого представления об идеальной власти в сочетании с низкой политической активностью. Новая политика китайского руководства и усиление авторитарности дали обратный эффект, а нереализованное ожидание населения отражается в ухудшении образа власти. Полномасштабной пропаганде культа личности Си Цзиньпина не удалось сконструировать его образ «нового героя». Негативно его оценивали не только некоторые представители молодежи, но и немало партийных чиновников Китая.

Антикоррупционная борьба не изменила представлений населения о серьезности проблемы социального расслоения в обществе и не исправила представлений респондентов о коррумпированности власти. А так называемая китайская мечта, несмотря на ежедневную пропаганду, не нашла особого отражения у респондентов как на рациональном, так и на неосознанном уровне.

Еще один немаловажный фактор: впервые в 2016 г. в китайских социальных сетях массово появляются демотиваторы в адрес руководителей страны (при-

чем больше всего — в адрес бывшего генсека Цзян Цзэминя) и социализма/коммунизма как государственной идеологии в целом. Такая ситуация еще не имела аналога в Китае за последние десятилетия. На демотиваторах китайские руководители и официальные плакаты превратились в предмет критики, иронии и насмешек, что свидетельствует о полном умирании веры в государственную идеологию, крахе официальной пропаганды и тенденции деградации образа лидера, партии и власти в целом.

Однако нельзя не отметить, что, высказав свое негативное отношение к власти, респонденты, тем не менее, не отрицают экономические достижения страны и не выражают особого негатива по отношению к государству в целом. Здесь большее недовольство опрошенные выразили именно по отношению к таким аспектам, как нерешенность проблемы социального расслоения, несоблюдение законов, усиление цензуры и пропаганды, культ личности лидера, коррупция и т.п. То есть, образ власти в сознании китайских граждан, по полученным результатам, за последнее время ухудшается, но при этом большинство различают понятия «власть» и «государство».

Смутное представление о будущем своей страны, отсутствие национальной идеи соседствует с негативным образом власти и политических элит, удручающе низкой оценкой их качества. Это свидетельствует как о политической апатии динамичной части китайского общества, так и о потенциале зреющих протестных настроений.

Список литературы

Большаков В.Ю. 2002. Процесс глобализации. — *Россия. Планетарные процессы* (под ред. В.Ю. Большакова). СПб: СПбГУ. С. 23-60.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. 2013. *Психология массовой политической коммуникации*: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ. 304 с.

Зверев А.Л. 2008. Государственный символизм в образе современной России. — *Образы государств, наций и лидеров* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: Аспект Пресс. С. 87-99.

Омурова Б.Н. 2014. Основные характеристики политической культуры Китая. — *Вестник КРСУ*. Т. 14. № 6.

Ракитянский Н.М. 2010. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии (психолого-политический анализ). — *Актуальные проблемы современной политической психологии* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: РИОР.

Ракитянский Н. М., Бухарин С. Н. 2012. Ментальная матрица политической элиты в контексте теории информационного поля. — *Перспективы развития политической психологии: новые направления*. Материалы международной научной конференции. 22–23 октября 2010 г. (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: Изд-во Московского университета. С. 306–317.

Johnston R.F. 2008. *Twilight in the Forbidden City*. Soul Care Publishing. 488 p.

SUN ZIQI, postgraduate student at the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (bld. 4 «Shuvalovskij», 27 Lomonosovskij Ave, Moscow, Russia, 119991; sqjt123@gmail.com)

THE IMAGE OF POWER TRANSFORMATION IN THE STRUCTURE OF THE CHINESE CITIZENS POLITICAL MENTALITY IN 2016

Abstract. *The article is devoted to system analysis of the transformation of power image in the minds of Chinese citizens in 2016 as a consequence of deep social and political changes under the influence of stable factors (China's political mentality) and changeable factors (the new policy of the PRC leadership). The most precise content of political mentality within our understanding reflects the structural model, which includes the following components: the core (the system of political values) and the periphery (political representation, political images, political attitudes and socio-political identity). The political power image is analyzed as a product of political mentality.*

The study was conducted by methods in-depth interviews and projective tests. The sample of the research consisted of 100 people – inhabitants of the southern part of China (56 respondents aged 21–35 years, 31 respondents aged 36–50 years, 10 respondents aged 51–70 years and 3 respondents over the age of 70 years).

The study found that the new policy of the Chinese leadership and the strengthening of authoritarianism gave the effect opposite to the expected one. With increasing propaganda and personality cult, negative attitude to the leader of nation and to the authorities in general is increasing.

Thus, a vague idea about the future of the country, the lack of a national idea is adjacent to a negative image of power and political elites and low estimation of their quality. This reflects both the political apathy of the dynamic part of the Chinese society, and the potential of ripening protest.

Keywords: *images of power, mentality, ideology, transformation, China*